МИРОВАЯ КЛАССИКА

Ю. НАГИБИН

По пути в бессмертие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

По антверпенскому зоопарку шли три юные красавицы, оформленные по высшим голливудским канонам. И странная тревога, словно рябь, предваряющая бурю, прокатилась по зоопарку…

- Юрий Нагибин
  - ○

Юрий Нагибин
Среди хищников

Антверпенский зоопарк расположен в самой шумной части города, возле вокзала. Его неприметные ворота глядят на людную, суматошную, пыльную площадь, забитую автобусами, трамваями, такси и першеронами, впряженными в громоздкие платформы, напоенную истошными криками газетчиков, отчаянием опоздавших на поезд, обалдением вновь прибывших, горем разлук и ликованием встреч. Здесь то грозно, то щемяще звучат паровозные гудки и сиплые, тонкие, хватающие за душу свистки паровозов, сюда залетают белым облаком спущенные пары и косые черные дымы из паровозных труб. Трудно представить себе менее подходящее место для зоопарка, требующего тишины, покоя, уединенности, некоей зачарованности, напоминающей о девственной земле. Но попадаешь в зоопарк — и происходит чудо, подобное тому, что выпало уэллсовскому герою, когда за ним захлопнулась зеленая калитка, — ты переносишься в колдовской мир, никак не сопричастный тому, что остался за воротами. Впрочем, быть может, так кажется посетителю, а чуткие звери томятся духотой, гомоном, запахом паровозной гари?

Я попал в зоопарк в час кормежки. Служители начали обход с хищных птиц. Толкая перед собой тележку, они двигались от клетки к клетке и швыряли орлам, грифам и кондорам куски мяса, а чаще тушки дохлых крыс. Орел сохранял ледяное спокойствие и даже не поворачивал головы в сторону служителей. Когда же тележка, повизгивая несмазанными колесами, удалялась, орел приподымал крылья, делал один только взмах, плавно опускался возле тушки и вмиг растерзывал ее клювом. Кондоры и грифы не обладали такой выдержкой, они топтались на толстой жерди или на вершине искусственной горушки, вытягивали из рыхлопористого жабо голые, страшные, стариковские шеи, мертво и жутко блестя круглыми глазами и громко хлопая крыльями.

Волнение разлилось по всему зоопарку. Быстрей и развалистей заходили в своих клетках громадные бурые медведи. Достигнув стены, медведь приподымался на задние лапы, передними отпихивался от стены, круто поворачивался и мчался назад. Он перекатывался в собственной шубе, как в мешке. От его низкого грозного рыка душа уходила в пятки. Когда служитель вывалил на пол клетки груду хлебных огрызков, медведь перво-

наперво страшно обрычал свою подругу, отогнав ее в дальний угол, а потом принялся с остервенением пожирать хлеб.

Тигры, леопарды и ягуары в молчаливой ярости мерили клетку бесшумными шагами. Когда им швыряли мясо, в глубине их тел закипало глухое ворчание, подобно далекому грому, оно выражало не жадность к пище, а тоску по настоящей добыче, которую надо выследить, нагнать, загрызть и сожрать теплую, кровяную, дымящуюся, и, похоже, тоска эта была обращена на близкую плоть служителя. Подобно орлу среди пернатых, здесь лев оставался царственно спокоен и даже не расширял ни глубоко вырезанных, редко и тихо дышащих ноздрей, ни полуприкрытых дремотой желто-фосфорических глаз.

А затем я прошел в обезьянник, где еще не наступило время кормежки, и долго стоял возле клетки с гориллами. Клетка была забрана крепкой решеткой по стенке из толстого небьющегося стекла. Старый самец сидел на корточках, плоско раздавив матово-черное кожаное лицо о стекло, и, не мигая, глядел на волю. Порой он зевал, показывая острые белые клыки, и странно было, что столь мощный хищно выостренный аппарат принадлежит вегетарианцу. Иногда он захватывал скрюченными пальцами песок и сор с пола клетки и жестом безысходного отчаяния посыпал голову и грудь в редком сухом пальмовом волосе. А потом опять застывал, и лишь один крокодил способен на еще большую недвижность.

Молоденькая самка вела себя куда живее и общительнее. Она то подымалась на толстый сук под самым потолком и ложилась навзничь, задрав кверху ноги и мастерски соблюдая равновесие, то принималась раскачиваться на канате, охватив его рукой и кокетливо поглядывая на посетителей. Раз она даже улыбнулась кому-то с воли, не рассчитав при этом опасной близости от супруга. Тот, не меняя застыло-мрачного выражения, с молниеносной быстротой отвесил ей затрещину, способную опрокинуть железнодорожный состав. Жалобно и сердито вопя, самка вознеслась на сук…

Когда я покинул обезьянник, весь зоопарк был напоен лязгающей и скрежещущей работой крепких челюстей, долбежкой железных клювов, мощным жеванием под аккомпанемент шумных вдохов и выдохов, довольным урчанием, жадными взревами и клацаньем. Кровь кропила настилы клеток, стекала с усов, капала из клювов, и невольно пробуждалась благодарность к надежным решеткам, толстым прутьям, высоким оградам и глубоким рвам с водой, защищающим нас, слабосильных властелинов вселенной, от мести четвероногих и крылатых пленников.

А потом странная тревога, словно рябь, предваряющая бурю,

прокатилась по зоопарку. И зародилась эта тревога не среди животных, а среди людей. Как будто в толпах посетителей, окруживших клетки и вольеры, бродящих по песчаным дорожкам, штурмующих киоски с кока-колой и оранжадом, возник некий перемежающийся центр, неотрывно привлекающий к себе внимание и любопытство, восхищенные взгляды мужчин, ревнивые — женщин, потрясенные, порой насмешливые — детворы. Это диво дивное отвлекало посетителей от зверей, птиц и гадов ползучих, и, заинтригованный, я поймал очередной очажок возбуждения, устремился туда и увидел трех юных красавиц, оформленных по высшим голливудским канонам. Их стройные, тонкие, лунно-удлиненные тела плыли в огнистом облаке распахнутых леопардовых манто, отделанные мехом платья были стянуты по талии кожаными кушачками с черепаховыми пряжками, красиво переливалась жемчужно-голубоватая змеиная кожа их туфель и сумочек, маленькие шапочки с розовыми страусовыми перьями гордо сидели на бледно-лиловых волосах.

Тревога передалась зверям. Так бывает во время затмения и перед землетрясением, которое звери предчувствуют много загодя. Хищники отвлеклись от пищи, они подымали головы, принюхивались и начинали рычать, не грозно, скорей жалобно, испуганно. Они слышали запах своих умерщвленных собратьев, ведь каждая красотка под стать зверьевому кладбищу. В подробностях изящного наряда, в украшениях и безделушках похоронены леопарды и крокодилы, страусы и колибри, пятнистые питоны и черепахи, нерпы и кашалоты, соболя и куницы.

На тонких стеклянных шпильках шли красотки по зоопарку. Такие хрупкие, беспомощные в своей на грани бестелесности худобе, так нуждающиеся в защите нежных своих сокровищ: растушеванных чернью и серебром фиалковых глаз, стрелами заведенных на виски, бледных губ и лиловых волос, деликатных ключиц, девичьих слабых плеч и женски округлых грудей, такие страшные, неразборчивые и беспощадные, как чума, ко всему живому, если это живое может послужить их украшению. Слабым самкам человеческим ничего не стоило истребить гордое колено леопардово, красивых, сильных, смелых зверей только из-за того, что им приглянулся для шубок яркий, пестрый мех. Общество по охране диких животных тщетно взывало к милосердию: ничего не стоит заменить натуральный мех не отличимой от него по всем статьям пластиковой подделкой. Куда там! Эфирным созданиям подавай настоящую шкуру, содранную с дымящегося кровью, испарением жизненной влаги тела убитого зверя! Им мало тех

животных, которых специально разводят ради красивого теплого меха. Им нужны редкие экземпляры зверьевого мира, неспособные восстановить свою убыль. Чем ближе зверь к полному исчезновению, тем он заманчивее.

Эти беспомощные, соломинкой перебьешь, создания всевластны над жизнями четвероногих и крылатых обитателей пустынь, джунглей, пампасов, лесов и гор. Тут не спасут ни зубы, ни когти, ни бивни, ни мощный хвост, способный ударом повалить дерево, ни острые рога, ни тяжкие копыта, не спасет умение бегать быстрее ветра, летать выше облака, скрываться в глубь земли, в расщелинах скал, в тину рек, в топь болот, в плетение лиан. Из любого укромья, любого тайника вытащат, выкурят, выгонят и убьют.

Есть такие птицы на Галапагосских островах, они любят лакомиться глазами гигантских морских черепах. И сотни, тысячи огромных, великолепных приспособленных животных изгнивают по берегам лагун в собственных панцирях, как в гробах, из-за того, что комочки студенистого вещества, которыми они видят мир, — лакомство для пернатых. Но ведь то неразумные птицы, а здесь люди, которым доверен мир со всем, что его населяет!

Их нельзя оправдать даже борьбой за существование, извечной борьбой за самца — мужчины не видят, как одета женщина, они воспринимают лишь самый общий, расплывчатый рисунок, начисто не замечая деталей. Но самолюбие заставляет мужчин верить, что все это изуверство творится в их честь, дабы угодить их вкусу, и они поощряют ненужное смертоубийство в бедном мире природы…

Хищницы шествуют по зоопарку, и бедные звери, поджав хвосты, уползают в глубину клеток…

Антверпен